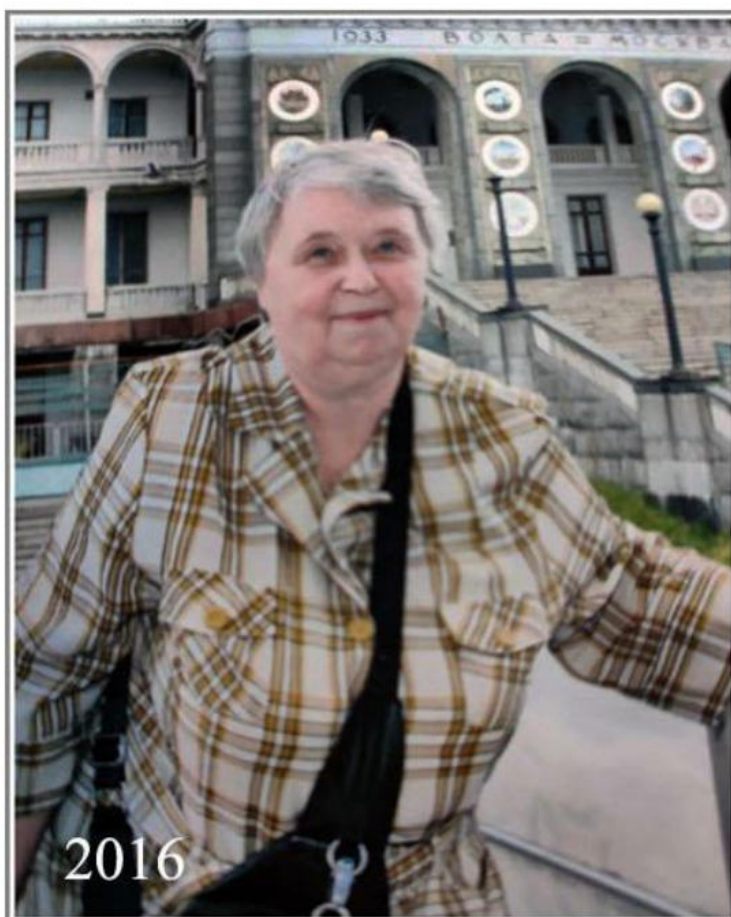

ДРОЗДОВСКАЯ ИРИНА

(в браке Василькова)

Впечатления от жизни

В моей жизни не происходило ничего замечательного, она похожа на жизни миллионов других людей. Но если вспомнить высказывание «Каждый человек должен в своей жизни посадить дерево, построить дом и вырастить сына», то тогда я выполнила свой долг. Но обо всем по порядку...

Мой папа, Дроздовский Борис Борисович, 1921г.р., родился в Виннице на Украине. Мама Березина Лидия Николаевна родилась в Ленинграде в 1925г.

После смерти отца папа со своей мамой, моей бабушкой, переехали в Москву. Бабушка устроилась работать машинисткой и ей выделили комнату в г. Пушкино Московской области. Добираться до Москвы надо было на электричке где-то 45 минут. И это каждый день туда и обратно! Папа устроился работать на железную дорогу. В 1941 году началась война, у него была бронь от призыва в армию, но он пошел добровольцем и прошел всю войну, окончив ее в Берлине. После войны он остался служить в Германии.

Мою маму и ее младшую сестру обычно отправляли на лето к бабушкам в Подмосковье. Так было и в 1941году. Война застала их под Истрой. Мама вспоминала, как они прятались от бомбежек в огороде (фронт ведь был недалеко), как она начала работать (ей было 15 лет) – ходила по деревням, агитировала, выполняла какие-то поручения. Ее мама осталась в Ленинграде, жила в блокаду. Ее вывезли на большую землю по «дороге жизни». Бабушке дали комнату в доме, где жила моя другая бабушка, напротив ее комнаты. Туда и приехали моя мама и ее сестра.

Я помню этот дом! Он был двухэтажный, весь деревянный. Был сделан из больших бревен, лестница тоже была деревянная. На лестничной площадке было 4 двери: 2 - в жилые блоки, 2 - в туалеты (естественно прямоточные). Водопровода не было, воду доставали из колодца во дворе, потом из колонки. В жилом блоке было 4 комнаты и кухня с плитой (топилась дровами). Позже готовили на керосинках. Мы ходили за керосином в лавку в конце улицы. Комнаты тоже отапливались дровами, их было много во дворе за домом и в сараях. В 60-ые годы провели отопление.

В 1946 году папа приехал домой в отпуск, встретился с мамой. Через некоторое время они расписались и уехали в Германию по месту службы отца. В 1948 году в госпитале в Потсдаме родилась я. В 2013 году я побывала в Потсдаме, но найти этот госпиталь мне не удалось. Даже, места не нашла!

Где-то в 1950 году папу перевели в Белоруссию. Сначала в Старые дороги, потом в Мышенки. В Старых дорогах мы жили в сарае, в Мышенках - в двухэтажном кирпичном доме.

Мое первое воспоминание относится к Старым Дорогам (2 года): Взрослые сидят на кособоре у реки, мы с мальчиком ходим по берегу – «мочим ножки». Там был такой песочный выступ, который я решила обойти. Вдруг я провалилась в воду! Попыталась закричать, но начала захлебываться. Тогда я подняла руку вверх, стала шевелить пальцами и поняла, что я достаю до поверхности. Далее со слов родителей: периодически смотрим вниз – дочь ходит по берегу и вдруг в очередной раз видим: дочери нет, только бантики плавают по поверхности. Кинулись вниз, вытащили, отшлепали, потом стали успокаивать (почему «отшлепали» я не поняла за что, ведь я не виновата!).

Я в Мышенках. Велосипед красный и я вся в красном!

Воспоминание: однажды я просыпаюсь и вижу: папа сидит за столом, а мама стоит и плачет (первый раз я увидела это). Она говорит: «Как мы дальше жить будем! Что с нами будет!». Папа отвечает: «Как жили, так и будем». Это было в тот день, когда они узнали о смерти Сталина (1953год).

В этом же году папа поступил в академию тыла и транспорта в Ленинграде. Сначала мы снимали комнату где-то в подвале на Васильевском острове, потом переехали на Лермонтовский проспект дом то ли 20, то ли 22. Здесь я пошла в школу. Она сохранилась, сейчас №260. Помню, я сижу на подоконнике, читаю книгу. Стук в дверь, входит женщина гладко причесанная с пучком, спрашивает, где мама – ушла – а ты что делаешь? – разве Вы не видите, читаю книгу. Она уходит. Это была моя будущая учительница, тогда было принято ходить к будущим ученикам, знакомиться с родителями. Потом она спрашивала у мамы, действительно ли я умею читать. Еще помню первое сентября, я в белом фартуке, у меня красивая форма, нарукавники в портфеле. Я была очень горда. Первый урок, учительница просит нарисовать какие-то фигуры, буквы. Если умеете, то напишите слова. Я спрашиваю, сколько слов – сколько умеешь – я много умею – тогда напиши два. Я написала: папа и Родина. Учительница потом говорила (я подслушала), что это первый раз в ее жизни ребенок написал «папа», а не «мама». Я не поняла почему, кого больше любила, того и написала.

Во втором классе на зимние каникулы родители отправили меня в гости в Москву. Я поехала с дядей Левой (друг и сокурсник моего папы) на его машине Победа, ехали всю ночь. В Москве мы с двоюродной сестрой Ниной попали на елку в Георгиевский зал Кремлевского дворца. Елка поразила меня: она была большая и очень красивая. Зал удивил своей красотой. Хотя я видела дворцы в Ленинграде, но здесь было другое: не только золото, но и торжественная красота и гордость за георгиевских кавалеров.

Потом мы переехали на канал Грибоедова. Помню, там недалеко от дома снимали кино (кажется «Хождение по мукам»). Сани едут через мост. Снега было мало, но его откуда-то привезли. Снимали дня два, а в кино, по папиным словам, эпизод длился всего несколько секунд.

Третий класс я почти весь проболела ангиной. Занималась дома, учительница давала маме задания, контрольные. В общем аттестовали.

Еще родители и папины друзья-сокурсники весело проводили время, отмечали все праздники (однажды в Победу поместилось аж 9 человек!). Они ездили по пригородам Ленинграда, обязательно ездили за черемухой (когда она зацветала),

Папа периодически дежурил в академии, особенно когда была угроза наводнения. Однажды мы с мамой поехали его навестить (он не был дома уже несколько дней). Возвращались мы уже поздно, шли по набережной реки Невы, народа почти не было. Вдруг я увидела под ногами сложенную бумажку в 10 рублей. Я решила, что это половинка от купюры, об этом я и сказала маме, когда мы отошли на некоторое расстояние. Мама велела мне подобрать деньги, что я и сделала. Около парапета стоял какой-то человек, мама велела мне подойти и спросить, не он ли потерял эти деньги, что я и сделала. Мужчина ответил, что он не терял денег и пусть мама купит на них мне конфет. Я была несказанно рада, ведь до этого я не находила таких больших денег (да и после тоже не находила от слова вообще)! Мы пошли с мамой в магазин и закупили там всякой всячины: конфет, печенья, мандарин и еще чего-то, что я уже и не помню. Это был для меня праздник! Когда мы уходили из дома, то у мамы было 3 рубля. Когда вернулись, были все те же 3 рубля и еще много всего вкусного! Это было здорово!

В 1958 году папа окончил академию, его распределили в ГДР в город Лейпциг на завод Красная звезда. Мы с мамой остались в Москве у моей тетки и ждали вызова. Жили на Ленинском проспекте, 5 человек в одной комнате и соседкой в соседней. Начался новый учебный год, и я пошла в школу в красных домах. Прочитала я там почти всю первую четверть. Потом мы уехали в Лейпциг. Жили мы в бельэтаже 5-этажного дома. Дом был частным, хозяйка жила в Западном Берлине, иногда приезжала. Постоянно жила домоправительница и дворники. У нас было две комнаты по 30-32м². Соединялись комнаты раздвижными дверями, и я каталась по комнатам на велосипеде, естественно, когда родителей не было дома. Воспоминания о Германии у меня противоречивые: хороших, больше.

Когда цвела сирень, дворник обрезал ее и приносил нам огромные букеты цветов. Тогда в комнатах стоял густой пряный запах.

Выше нас размещался арбитраж, на Рождество русских детей нашего дома приглашали на праздник, который устраивали для своих детей.

Перед тем как идти в магазин я открывала словарь и пыталась запомнить все слова, обозначающие новые продукты, которые мне надо купить. Естественно часть из них я забывала (не догадалась просто записать!). Женщина-продавец на мои «diese» и тыканье пальцем в нужный продукт называла его по-немецки и просила повторить. «Иначе, я тебе его не дам» - говорила она. Мне было очень неудобно, я повторяла и в следующий раз я уже не забывала.

Еще когда мама была беременная, мы с ней пошли в магазин купить материал для пеленок (это был дефицит!), но нам его не продали (нет материала, хотя мама видела, как его продавали немке). Тогда мама взяла с собой папу в форме, и они все купили, даже еще больше (распашонки, ползунки, комбинезоны и т.п.). Уважали немцы людей в советской форме! И это в 1962 году!

Но бывало иногда и такое, в парке, где мы гуляли, в нас летели камни и слышались вопли: russisches Schwein.

В 2013 году я побывала в Лейпциге, там, где мы жили. От этого места осталось лишь название улицы! Все дома были снесены, интернат, школа, клуб – ничего не осталось. Даже большой парк, который был недалеко от нашего дома, превратился в небольшой сквер. Остался зоопарк и кирха. Воспоминания остались только в моей голове!

В школе учить было интересно, нас все время чем-то занимали, ведь большая часть детей жила далеко от школы и поэтому в течение недели они жили в интернате, который находился напротив нашего дома. У нас была художественная самодеятельность, кружки, отмечались праздники, проводились спортивные олимпиады. Ездили на экскурсии. Помню, очень долго стояла перед Сикстинской мадонной. Очень она меня поразила! Но еще больше мне понравилась «Святая Инесса»! До сих пор помню ее длинные волосы и ангельское лицо!

Когда у папы был отпуск, мы приезжали в Союз. Летом жили у бабушек, зимой у тети. Зимой обычно я училась в московской школе. Где-то в классе 6-7 перед Новым годом классу выделили билеты на елку в Лужники. Мне очень хотелось пойти, но я понимала, что я здесь случайная ученица и претендовать на билет просто неприлично. И вдруг кто-то сказал, а давайте отдадим билет Ире, ведь она ни разу не была на московской елке, и все согласились. Я была очень благодарна ребятам. В 1960 году я с двоюродной сестрой и родителями опять побывала в Кремле на елке. После представления папа договорился, и нас пустили на 5 минут в зал заседания Верховного Совета (сейчас его не существует, восстановили историческую планировку). Я даже посидела в кресле депутата. А еще через открытую дверь посмотрели на Грановитую палату. В следующем году на Новый год мы посетили только что открывшийся Кремлевский дворец съездов. Представление мне не понравилось, фойе впечатляло.

Первый звонок в 1962 – 1963годах, я в восьмом классе.

В школе особо сильно проявился интерес к математике. Я участвовала в Первой математической олимпиаде среди школ Группы советских войск в Германии в 1962г. (после 7-ого класса). Заняла 3-е место, 1-е и 2-е места никто не занял (надо было набрать определенное количество баллов). В следующем году заняла 2-е место, 1-е занял какой-то мальчик.

Получение свидетельства об окончании восьми классов и грамоты за хорошую учебу.

В 1963 году я уехала в Москву. Была вероятность жить в интернате, поскольку папа еще оставался служить в Германии, а детей старше 8-ого класса в Германии не оставляли. Моя тетя воспротивилась такому плану («Что мы не поместимся в двухкомнатной квартире?»). И я осталась у нее (пятой). Папа серьезно подошел к выбору школы для меня, он нашел не очень далеко от дома новую школу с математическим уклоном (были тогда такие). Школа №1000. В школу набрали 4 девятого класса, потом практически один класс отсеялся, и осталось 3. У нас были замечательные учителя! Они приучали нас думать самостоятельно, иметь свое мнение по любому поводу, учили взаимовыручке, доброте и еще много чему. Учитель по математике предложил нам пройти материал по его предмету за два года, а третий год посвятить подготовке к поступлению в вуз. Он доставал вступительные билеты из разных вузов. Он преподавал нам разделы математики, которые раньше входили в программу школы, а сейчас исключены, хотя во вступительных билетах они попадаются. Нас он подготовил к поступлению блестяще. Родители в последний год наняли мне с мехмата МГУ репетитора, он после двух-трех занятий отказался от меня, сказав, что ему нечему меня учить (честный был человек!). Преподаватель по русскому языку снижала нам оценку за сочинение, если мы списывали откуда-то без кавычек и ссылки на источник (причем она точно знала, откуда мы списывали), а не просто за то, что мы списывали. Она говорила, можете использовать чужие мысли, но говорите, чьи это мысли, а не присваивайте их себе, будьте честными!

Еще у нас были факультативы по некоторым предметам, к нам приглашали сотрудников некоего предприятия, которые и вели эти факультативы. Тогда-то я и познакомилась с программированием. Занятия были теоретические: мы писали программы в кодах (языков программирования тогда не было), преподаватель проверял, на этом и заканчивалось. К БЭСМ нас не подпускали, время счета на ней стоило очень дорого. Мне очень понравилось программировать!

В школе мы сами провели радио и вещали новости во время большой перемены. Были музыкальная студия, где мы подготавливали номера к праздничным вечерам. Ставили мини-спектакли. Домой мы возвращались уже ближе к вечеру.

В 1964 году папу перевели в Россию, в г. Бронницы. Мама хотела забрать меня к себе, но тетя (спасибо ей большое!) отговорила ее от этого, и я осталась учиться в Москве и жить у тети. В эти же годы учебы в школе родители переехали в новый дом. Надо было

облагораживать территорию. Привезли деревья, все дружно вышли на их посадку. Вот и посадила я ПЕРВОЕ дерево! Потом я увидела, что одно из деревьев перед нашими окнами начало чахнуть. Я каждый день таскала ведро воды со второго этажа и выливала его под дерево. Через некоторое время дерево ожило. Приезжая к родителям, я всегда здоровалась с этим деревом!

1966 год – год окончания школы и единственный год, когда ее покидали 2 класса – 10-й и 11-й. Конкурсы во все вузы в два раза больше, чем обычно! Я выбрала поступать на физфак МГУ (все-таки прикладная математика). Шанс у меня был: серебряная медаль по окончании школы давала возможность сдавать не все экзамены, а только две математики.

Где-то в 1964-1965 году наша школа бы переименована. Она стала школой с преподаванием ряда предметов на английском языке. Это переименование имело последствия в моей судьбе. При получении аттестата зрелости я обнаруживаю, что в нем написано «Английский язык – 5», а я учила и сдавала немецкий! Секретарь школы поахала и аккуратно исправила на немецкий, но так, что теперь не поймешь, какой же язык я изучала.

1966 год, после окончания 11 класса

Первый экзамен – письменная математика. Мне достался вариант, в котором, как выяснилось уже потом, в одной из задач была допущена ошибка, и задача не имела решения. По письменной математике я получила 4. Пришла на устную математику. До сих пор не могу понять, почему я была настолько глупа! В аудиторию пригласили 5 человек, я была последней. Первый вытаскивает билет, оканчивающийся на 5, у следующего билет оканчивается на другую цифру, потом опять – на 5. Мне приходит мысль, и я очень волнуюсь, если у меня будет билет оканчиваться на 5, то я сдам экзамен, если – нет, то – нет! У следующего абитуриента билет оканчивается на другую цифру. Я подхожу к столу, тяну билет... №25! Счастливая бегу на свое место. Кто-то спрашивает, что в билете? Я

отвечаю, не знаю, он №25! Сев на место, читаю билет и понимаю, что я все знаю! Поднимаю руку, спрашиваю, могу ли я отвечать без подготовки? Мне не разрешают, пишете все на бумаге. Пишу все на четырех листах. Подходит преподаватель, все читает, задает дополнительные вопросы, на которые я отвечаю. Последний вопрос был, что я получила за письменный экзамен. Узнав, что 4, спросил, какой вариант у меня был. Получив ответ, сообщил мне, что там была ошибка. И посочувствовал, что теперь мне придется сдавать все экзамены. А о том, что можно подать на апелляцию, он мне, к сожалению, ничего не сказал. И я пошла по полному кругу! Следующей была химия. Экзамен принимали по два человека, мне приглянулась одна симпатичная пара. И опять глупая мысль! Если они у меня будут принимать экзамен, то я его сдам! И опять кто-то оберегал меня! Меня выбрали эти двое! Следующим экзаменом был русский язык, сочинение. Тут я совсем обнаглела! Про Базарова я писать не хотела, по Маяковскому тоже (не люблю я его). Выбрала «Мое любимое стихотворение». Нам объявили, что сочинение не должно быть длинным – 2-3 страницы. Решила писать о «Я Вас любил» Пушкина. Почти всю страницу заняло стихотворение, потом немного о любви между мужчиной и женщиной. Это еще полстраницы. Не хватает до нормы! Тогда я делаю финт ушами: любить можно не только женщину, но и родину! И еще полстраницы на эту тему. Все, норма выполнена! Гордо сдаю сочинение и ухожу. Дома я получаю нагоняй от папы за свою глупость. Получила прекрасные оценки за три экзамена, теперь ты не поступишь из-за неосновного! В общем, психовал ужасно. А я была спокойна, как удав, тем более на физику надо было идти без оценки за сочинение. Я решила, что при хорошей оценке за физику, меня не выгонят. Папе как-то удалось узнать мою оценку за сочинение до экзамена по физике – 3. На экзамене по физике ничего примечательного не произошло. В итоге я набрала 14/8, т.е. я поступила. Через несколько лет мне удалось заглянуть в свое личное дело, меня интересовало сочинение. Внизу стояла резолюция: «не полностью раскрыта тема», и была одна ошибка – не поставила запятую.

Я попала в 16 группу. В начале занятий ко мне подошла Ира Сорокина и спросила, помню ли я ее? Я лихорадочно стала перебирать учеников в ленинградской школе, в лейпцигской школы, но так и не смогла ее вспомнить. Оказалось, мы с ней учились в Москве в четвертом классе в школе, которая находилась в красных домах. Это продолжалось всего 1,5-2 месяца, но она запомнила меня. Я была очень удивлена.

Первые два месяца у нас не было английского языка, и я ничего не подозревала. Группа мне очень понравилась, в первые месяцы мы очень сдружились. Для английского языка группу поделили на две части, и тут я выясняю, что в нашей группе все в школе учили английский, а для тех, кто изучал другие языки существовали группы для начинающих. Т.е. та непонятная запись в аттестате и печать школы с преподаванием ряда предметов на английском языке сыграли свою роль! Меня записали в группу, знающих английский язык. На первом занятии Марина Алексеева-Мохова вслух подсказывала мне ответы на вопросы преподавателя. Что делать, я не знала. Очень мне не хотелось уходить из группы! Все же я подошла к преподавателю и сообщила ей, что в школе я учила немецкий, а не английский, и слезно молила ее не переводить меня в другую группу. Она дала мне два месяца (!), если я не догоню группу по английскому, то она переведет меня в другую группу. Для меня начались тяжелые дни. Я взяла методичку по английскому для начинающих и усиленно изучала ее. Через месяц я уже немного почувствовала себя уверенно, и решила написать диктант. Написала, получила кол, изумилась и пошла выяснять, почему мне поставили такую оценку. Преподаватель удивленно посмотрела на меня и сказала: «А, это Вы, тогда я ставлю вам 2». Я была шокирована и обижена, могла бы и тройку за старание поставить!

Потом я с грехом пополам изучила английский, на экзамене по нему я чуть не получила пятерку, засыпалась на временах глагола (кто бы мне их объяснил!).

Первая сессия была для меня ужасной, как я выкарабкалась, не знаю. Меня почему-то невзлюбил Моденов Петр Сергеевич. Он вел у нас семинары по математике. В общем, зачет я сдавала несколько раз и не сдала. Меня отправили на «комиссию», но там мои работы проверял опять же Моденов, т.е. я опять получала неуд, и не важно, как я написала работу. Группа сдавала уже второй экзамен (математику), принимал Моденов. Это меня и спасло. Я кинулась к преподавателям и умоляла проверить мою работу. Они сказали, что проверять надо вместе с Моденовым, а он сейчас на экзамене. Я объяснила, что если я написала работу, то я пойду сдавать экзамен, и у меня будет только один хвост, а не два. Они меня пожалели (видно кто-то меня хранил!), проверили работу, сказали, что я сдала зачет. В деканате мне дали допуск к экзамену, и я счастливая побежала сдавать его. Ну не тут-то было! Моденов слегка опешил, увидев меня, и сказал: «Я не могу у Вас принять экзамен – я устал», и выпроводил меня. Все остальные экзамены по математике на первом курсе я сдавала только Моденову, и больше тройки не получала. И не важно, как я отвечала, иногда он ставил тройку, даже ничего у меня не спросив. Свободно вздохнула я только когда перешла на второй курс. Где-то на третьем или четвертом курсе я встретила его, идя из главного корпуса, поздоровалась. Он ответил, удивился, увидев меня, и сказал: «Дроздовская, Вы еще учитесь на физфаке?» - «Да» - «Это удивительно, хотя Вы способная, но ленивая!». Я удивилась тому, что он помнил меня, а еще больше его оценке.

После первого курса поехали на целину. Мало, что помню об этом. Помню бескрайние степи и черное небо со множеством звезд. Часто пролетали спутники. Кстати о спутниках. Идя с работы в лагерь, я споткнулась об обшивку ракеты, разрежала вену. Из меня хлестала кровь как из курицы. Ребята сплели крестом руки и бегом потащили меня в медпункт, крича: «Несем жертву космической катастрофы!». Наверно найдется мало людей, которых ранила космическая ракета, вернее ее обшивка! После второго курса я тоже хотела поехать на целину, но родители были против. Пока я их уговаривала, все отряды были укомплектованы. Потом выяснилось, что организуется сборный отряд МГУ, куда я и записалась. С этим отрядом связаны неприятные воспоминания. В составе нашего отряда были французские студенты, и я работала с ними. Как известно, на целине существовал «сухой закон». В один не очень прекрасный день французы решили выпить вина. Предлагали мне, но я объяснила, что мне нельзя – «сухой закон». Придя в лагерь я похвасталась девчонкам, что я пила с французами (как романтично! И как глупо: язык-враг мой!). Кто-то из них донес об этом начальству. На следующий день я проспала линейку, меня разбудили девочки воплями: «Что ты спишь! Тебя исключили из отряда за пьянку!»! Когда я прибежала на линейку, то увидела, что все французы стояли около начальства и доказывали, что это не справедливо по отношению ко мне, что я не пила. Как они не упрашивали, комиссар Александр (ярый комсомолец) заявил, был инцидент, исключили, значит, исключили и точка. Потом я разговаривала с командиром, он посоветовал мне остаться, но не попадаться на глаза комиссару. Вскоре от таскания тяжестей я растянула руки, было забавно смотреть, как я пытаюсь взять ложку, а она падает из рук. В общем, мне пришлось уехать домой с перевязанными руками. Восстановились они через несколько месяцев.

Чтобы не сидеть дома без дела, я уговорила папу устроить меня на работу к нему в часть. Меня взяли в отдел обработки информации. В отделе был небольшой (2 обеденных, разобранных стола) итальянский компьютер (редкость в то время!). Мне поручили оцифровывать осциллограммы, к компьютеру меня не подпускали. Но это не по мне!

Естественно я влезла. Изучила коды, начала программировать, женщине-программисту пришлось смириться с этим положением вещей. Программировала я довольно быстро, и уже ко мне приходили за расчетами. Верх моего успеха: когда приехал генерал, от которого зависело финансирование вычислительной техники, то возможности компьютера показывала я. На следующий год меня уже ждали на работе. В часть купили ЭВМ МИР, обучили двух сотрудников (женщину - программированию, мужчину – обслуживанию). Они меня встретили настороженно, какая-то молодая девчонка, папина (начальника) дочка и уже на что-то претендует. Но терпение и труд все перетрут. Вскоре мне начали поручать писать программы (язык изучила, естественно, сама). Писала много и с удовольствием. Через пару лет я встретила женщину-программиста, и она меня порадовала, сказав, что они до сих пор считают по моим программам.

Третий курс начался поездкой на картошку. Жили мы там дружно и весело. Мои родители приехали ко мне, привезли много всяких вкусностей. Группа с удовольствием съела все, в знак благодарности ребята притащили капусты, морковки, картошки. По чуть-чуть конечно. Еще помню, мне сообщили, что наш выпускной класс собирается встретиться, а я - на картошке! С Сережей Першиным (наш бригадир) пошли к начальству. Нам сказали, что я могу уехать на сутки, но ребята должны отработать за меня. Сережа согласился, Я была тронута. Каково же было мое удивление, когда я вернулась, я увидела процент выработки 105! Обычно выше 95-97 он не поднимался. Спасибо вам ребята!

у

Во второй половине третьего курса мы распределились по кафедрам. Но дружить и встречаться продолжали с 16 группой. Я опять начала постоянно болеть ангиной, и в конце курса меня отправили на удаление гланд. После операции я уехала в спортивный лагерь МГУ в Пицунде (я занималась фехтованием). Четвертый, пятый курсы пролетели как один день. Помню заботу и опеку нашей «классной мамы» - Кирилла Сергеевича. Его любовь к нам и нашу к нему. Ребята из похода привезли корягу, похожую на какое-то животное. Ее мы подарили на 8-ое марта, сказав, что чем больше будет на нем пыли, тем пушистее он

будет. Через много лет зайдя на кафедру, я видела эту корягу. Значит хранил. Еще он организовал для нас факультатив по изучению программирования на МИРе.

Преддипломную практику я проходила в ИКИ АН у Крупенио Н.Н. Я опять много считала на вычислительной машине. Рассчитывала модель атмосферы Венера по радиолокационному зондированию. Это и был мой диплом. Но самое существенное, на мой взгляд, Крупенио не разрешил включить в диплом. Потом через некоторое время, присутствуя на семинаре у директора ИКИ, я узнала, что моя модель соответствует полученным измерениям с «Венеры-8». Жалко, что это не попало в диплом.

Распределили меня в ИКИ АН инженером. Работала с Крупенио Н.Н., потом в результате реорганизации попала в отдел Эткина Валентина Семеновича. В 1973 году вышла замуж за Василькова Валеру. В 1974 году родила сына Максима. На работу после родов вышла в начале 1975 года, и попала в группу обработки радиометрических измерений. Наши радиометры стояли на самолетах, летали над морской поверхностью, записывали измерения на магнитную ленту, а потом мы их обрабатывали сначала на ЕС, а потом приобрели ереванскую вычислительную машину Наири. Она занимала комнату в 50 м². Память в 4К занимала шкаф размером 0,5x0,5м и высотой 1,2м. Там находились платы, которые периодически «вылетали». Приходилось звать начальника лаборатории Раева Михаила Дмитриевича, но запускал какую-то программу, определял, какая плата вылетела. Мы с Верой Ивкиной вытаскивали плату, чистили ее контакты ластиком, потом вставляли ее на место. Подходил М.Д. и носком ботинка на толстой подошве забивал ее на место. Затем он сделал нам подарок: принес деревянный молоток-киянку (замену его ботинка). И уже весь ремонт осуществлялся без него (программу мы тоже освоили). Программы обработки мы писали на Fortrane (сами изучили). Через несколько лет я с удивлением увидела некоторые свои подпрограммы у студентов-практикантов, было приятно. С 1976 года я тоже начала летать на самолете, сначала как борт-оператор, описывающий окружающую обстановку (погоду, облака, волнение и т.п.). Потом по мере развития вычислительной техники стала оператором ЭВМ Электроника-60. На ней шла обработка сигналов в реальном времени, эту программу написала я. Я считаю, что эта программа является вершиной моей программистской деятельности. Благодаря этим полетам я побывала на Камчатке, Сахалине, Владивостоке, Якутске, а еще в Мурманске, Архангельске, Амдерме, Сухуми. В общем, вся моя деятельность была связана с вычислительными машинами. Если бы когда я поступала в МГУ, был факультет вычислительной техники, то я бы пошла туда. Но, к сожалению, он открылся только в 1970 году.

В 1979 году я развелась, и воспитание сына легло только на мои плечи. В 1980г. он пошел в школу, ходить на продленку ему не понравилось, и мне пришлось как-то к этому приспособливаться: работать по субботам, когда он учился, за отгулы, а потом их тратить в течение недели по часам. Спасибо начальству, что шли мне навстречу! Все более страшное было еще впереди.

В 1985 году я отправилась в экспедицию на корабле «Абхазия» к низким широтам. Уходили из Петропавловска-Камчатского, а вернулись во Владивосток. Я занималась обработкой поступающих данных.

Уходим из Петропавловска-Камчатского

Владивосток

Чиним прибор

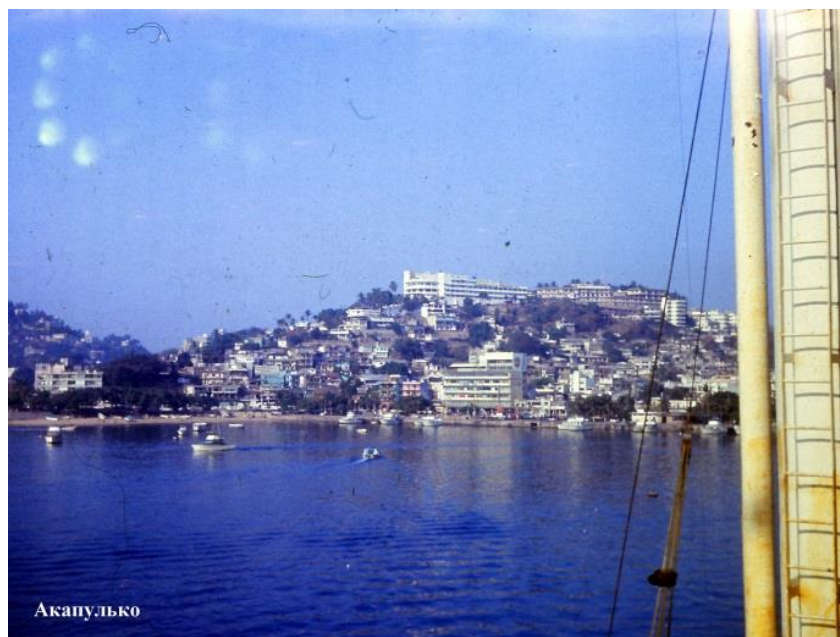

Привезли много материалов по радиометрическим измерениям водной поверхности.

В феврале - июне 1986 году участвовала в экспедиции на НИС «Дмитрий Менделеев». Уходили и возвращались во Владивосток. Посетили Баль-Бао (Панама), Акапулька (Мексика) и Сан – Франциско (США).

В 1982 году был конфликт у сына с учительницей. Выхода было два: перейти через класс или уходить в другую школу. Выбрали первый вариант. После второго класса он пошел в четвертый. В 1989 году сын поступал в институт. Поступил в МИГАиК. В этом же году я перешла в группу по автоматизации работы вспомогательных отделов, хотя начальник отдела, где я работала, был против моего перехода (он даже не подписал мое заявление о переходе). В отделе я осталась работать на 0,5 ставки. Ребенок вырос, нужны были деньги. Мы обучали работать сотрудников бухгалтерии, планового отдела, канцелярии работе на компьютерах (тогда уже появились персональные компьютеры) на купленных и адаптированных к нашим требованиям программах. Адаптировала программы наша группа. Мне досталась бухгалтерия. Программу по начислению зарплаты я практически переписала заново. В 1992 году после увольнения нашего руководителя я заняла ее место. Наступали девяностые годы, жить становилось все труднее. Надо было довести сына до окончания института. Приходилось пристраивать программу «расчета

заработной платы» в разные организации, дорабатывая ее под требования организации. Под моим контролем находилась программа в 5-6 организациях, на это и жили. В 1995 году уволившаяся руководительница нашей группы предложили мне перейти к ней в компьютерный отдел страховой компании «Плазма», пообещав зарплату, равную всем моим зарплатам. Я уволилась из ИКИ и устроилась в компанию «Плазма». Сын заканчивал институт. Если у нас было обязательное распределение, то их выпускали на вольные хлеба. Работу было трудно найти. Мне удалось по знакомству(!) устроить его на стройку геодезистом. Постепенно в страховой компании тоже начались трудности с выплатой зарплаты, и мне пришлось вспомнить о программе «расчет заработной платы». Опять бегала по нескольким организациям, тем более сыну пришлось уволиться со стройки, т.к. у него не было военного билета. Сказался конфликт с военной кафедрой в институте, в результате которого он ее не окончил.

И опять судьба меня хранила! Я поставила программу в Центре соц. обслуживания и познакомилась там с его начальником Натальей Ивановной Кисляковой. Вскоре она пошла на повышение, стала начальником Управления соц. защиты населения «Ясенево». Ей нужен был начальник отдела информатизации, и она предложила эту должность мне. Я согласилась, опять зарплата равнялась сумме всех моих зарплат. С марта 1998 году я стала работать в Управлении. Но радость была не долгой. В августе был дефолт, и моя зарплата уменьшилась с 500 долларов до 120. Но бегать я уже устала, да и ребенок нашел работу (РБК, ТВ6). В 1999 году я стала еще и зам. начальника Управления.

В 2002 году я перешла на работу в только что открывшееся Управление района Южное Бутово на ту же должность, ездить из Чертаново было удобней. Здесь я проработала до конца 2012 года. В госслужбе можно работать до 65 лет, которые мне исполнились бы в июле 2013 года. Но в конце 2012 года объявили о сокращении, мою должность, естественно,

не сокращали, но я решила уволиться, ведь все равно мне надо будет увольняться через полгода. Начальник уговаривал остаться, но я уже все решила. Так я стала пенсионеркой.

Мне 55 лет.

В конце 1999 года сын женился, а 1 июня 2000 года у него родилась дочь Александр. В 2005 году он развелся. Сейчас сын работает на радио «Business FM» шеф – редактором. Внучка учится на дизайнера печатной продукции. В 2022 году заканчивает институт.

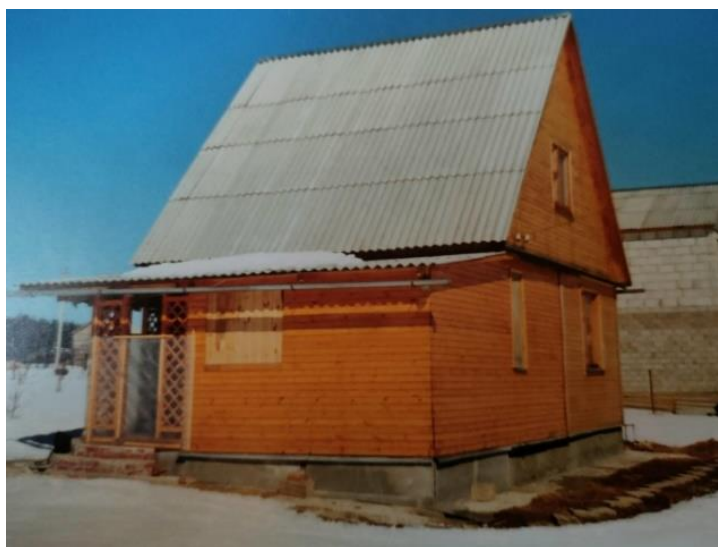

На фото я, внучка и сын в 2018 году.

В 1996 году нам посчастливилось купить землю 12 соток, в следующем году начали строительство дома, который спроектировала я сама. Денег хватило только на внешние стены, полы и потолки. Остальное доделывали постепенно. Внешние обстоятельства все время подталкивали нас. Родилась внучка – надо было сделать внутреннюю отделку, ведь внучка будет жить здесь летом! Надо сделать пристройку с душем и туалетом (био), ведь внуку надо купать!

1999г

2001г

Моя мама стала жить летом с нами, ей тяжело было ходить за водой, чтобы мыть посуду, а также выливать ее. Пришлось провести водопровод и слив в зарытую бочку. Поставили печку от дров и электричества и сделали разводку отопления по всему дому, теперь можно приезжать и зимой. 2005 год, когда первый раз приехали на Новый год, выдался очень холодным до -30° днем. Долго не удалось пожить, вода начала замерзать по ночам, ведь никто не подумал утеплять трубы. Летом пришлось исправлять недочеты. Потом сделали канализацию, Топаз только появился и стоил не очень дорого. Обилие сайдингом фронтоны, а потом и весь дом. Теперь ездили на дачу не только летом, но и зимой. Следующий этап – установка газгольдера и проводка газа в дом (~2014г.). Сделали это благодаря компенсации за снесенный гараж (построили торговый центр на этом месте). Совсем стало хорошо жить, как в городе. Где-то в году 2017 мы поменяли крышу на железную и утеплили весь дом снаружи. Теперь мы живем здесь круглый год! Еще с нами живет собака (уже вторая). Раньше еще жил кот, но он недавно ушел не радуго (подхватил неизлечимую болезнь).

P.S. Люблю путешествовать, побывала в 23-х странах мира и в России много где была. Люблю фотографировать, а потом на компьютере верстать альбом из фотографий. Затем отдаю макет в типографию на печать.

Еще вдруг полюбила вышивать. Всем уже надарила вышивок-картин!

Люблю ходить за грибами, но с каждым годом это делать становится все труднее.

Резюме: дерево посадила и не одно;

сына воспитала;

дом построила, правда не сама, но по моему проекту.

Следовательно, жизнь прошла не зря!